

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 8 ИСТОРИЯ

№ 3 · 2004 · МАЙ—ИЮНЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в два месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Галина Глебовна Козлова (К 90-летию со дня рождения и 65-летию научно-педагогической деятельности)	3
Кызласов Л.Р. Историко-культурное взаимодействие иранских и тюркских народов в средние века (язык, письменность, религия)	5
Брежнева С.Н. Подготовка Российской империи к наступлению на Туркестан в 50-е годы XIX в.	21
Асиновская М.Ю. Военно-морская разведка на Балканах в период царствования Александра III. Подготовка Босфорской экспедиции	43
Житенёв Т.Е. Разработка Правил 13 июня 1884 г. о церковно-приходских школах	55
Косорукова М.И. Русский язык и национальная культура в системе ценностей русского зарубежья (20—30-е годы XX в.)	74

ИЗ ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Гутнов Д.А. Празднование 175-летия со дня основания Московского университета в Париже 24—26 января 1930 г.	88
---	----

ГБУК РХ
"НБ им. Н.Г. Доможакова"

Л.Р. Кызласов

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ИРАНСКИХ И ТЮРКСКИХ НАРОДОВ
В СРЕДНИЕ ВЕКА**
(язык, письменность, религия)

Я поймаю чудесного фазана стиха,
 ибо стремителен мой ловчий сокол.
Если ты этому не веришь,
 то спроси художника Чина.
Желанным будет для Мани
 написанное кончиком моего
 мускусно-черного пера.

Хафиз (1321—1389 гг.), из газели на фарси

Историко-культурное взаимодействие иранских и тюркских народов средневековья имеет богатую историографию во многих отраслях востоковедения: историко-археологической, лингвистической и иных. Нами не ставится задача полного обзора всех или хотя бы основных относящихся к этой теме проблем. Существенней обратить внимание на целый ряд новых связей, выявленных между известными и впервые полученными данными, а также прояснить существо возникающих современных подходов к изучению той культурной ситуации, которая сложилась некогда на обширных пространствах средневековой Евразии.

Согдийская письменность и язык в государствах тюрков

Многими тюркологами, как и иранистами, не в полной мере осознается важный исторический факт: официальной письменностью и государственным языком в Первом Тюркском каганате являлись согдийское письмо и согдийский язык.

Нам уже приходилось писать, что VI век стал временем тюркских географических открытий. Разгромив в Средней Азии мощное государство эфталитов, войска алтайских тюрков вошли в контакт с не менее могучей державой Ираном, управляемой династией Сасанидов. Около 567 г. Иран и тюрки поделили по договору Среднюю Азию. Все земли к северо-востоку от реки Амударьи достались тюркам, а к юго-западу отошли к Ирану¹. Все, что «за рекой», для иранцев стало Туркестаном, т.е. «страною тюрков».

¹ См.: Кызласов Л.Р. Первый Тюркский каганат и его значение для истории Восточной Европы // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998. С. 346, 348.

Впервые под властью тюркских каганов оказались Семиречье и Согд, т.е. владения ираноязычных согдийских князей, центральные земли которых располагались в долине реки Зерафшан, на пути к Хорезму. В том же VI в. в столицу Китая город Лоян прибыли первые персидские посольства и были заключены договоры о торговле шелком с западными странами². Различные китайские царства и Иран соединил Великий шелковый путь³. Это был тракт с промежуточными станциями, полноценно обслуживавшими караваны и предоставлявшими отдых, кормление, охрану, смену состава и «ремонт» животных. Содержать Великий шелковый путь взялись предприимчивые и знавшие толк в торговых делах ираноязычные согдийские колонисты, расселившиеся от Самарканда и до китайских торговых центров⁴.

Благодаря тюрко-согдийскому посольству 568 г., возглавлявшемуся манихейским апостолом Маниахом, между каганом Дизавулом и императором Византии Юстином II (565—578) был заключен договор о продлении Шелкового пути на запад через Хоросан и Кавказ до Константинополя⁵. Заработала беспримерная торговая трасса, впервые соединившая цивилизации Европы и Восточной Азии. Столь грандиозное международное предприятие стимулировало развитие культур раннесредневековых тюрков Южной Сибири и вышедших оттуда народностей тюркешей и карлуков, а также уйгуров, расселившихся по Центральной Азии и Семиречью среди ираноязычных согдийцев Средней Азии. Эти события положили начало активному ирано-тюркскому языковому взаимодействию⁶.

Именно в последней четверти VI в. Первый Тюркский каганат, как и полагается сформировавшемуся государству, установил в своих пределах официальную письменность. Ею стало согдийское

² См.: Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927. С. 10—21; Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979. С. 100—105. Рис. 9, 10, 13; С. 115, 116, 164.

³ См.: Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути. М., 1994.

⁴ Pulleyblank E. G. A Sogdian Colony in Inner Mongolia // T'oung Pao. Leiden, 1952. Vol. 41. P. 317—356; Pelliot P. Colonie sogdienne // Journal Asiatique. Paris, 1916. Vol. VII. P. 111—123.

⁵ Византийские историки: Менаандр Византиец / Перевод с греческого Спиридона Дестуниса. СПб., 1861. С. 340—375. Маниах (согд.) — «Помазанник Мани», ср. Машиах (иран.) — «Помазанник Божий» (Мессия).

⁶ Арабы входят в непосредственное соприкосновение с тюрками позже, при втором «праведном» халифе Умаре ибн ал-Хаттабе (634—644 гг.) (см.: Асадов Ф.М. Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку, 1993. С. 123. Прим. 7. См. также: Kowalski T. Die ältesten Erwähnungen der Türken in der arabischen Literatur // Körosi Csoma-Archivum. 1926. II. 1—2. S. 38—41; Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927. С. 10—21; Он же. История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1928. С. 9.

письмо. Была ли к тому времени тюркская знать достаточно знакома с языком ираноязычных согдийцев и могла ли она писать по-согдийски?

Ответ на этот вопрос был нами получен еще в 1953—1954 гг. во время раскопок руин раннесредневекового города Суяба, располагавшегося в V—X вв. на левом берегу реки Чу в современном Кыргызстане. Тогда был обнаружен первый из ныне известных в Средней Азии буддийский храм VII—VIII вв. В нем были найдены четыре товарные буллы с изображением слона (одного из воплощений Будды) и согдийской надписью «господин», а также 57 экземпляров литых медных монет с согдийскими легендами⁷. По особенностям архитектуры, строительным материалам и прежде всего по наличию большого количества согдийской керамики археологам сразу стало ясно, что буддийский храм был построен, обслуживался и посещался согдийскими колонистами Семиречья. Что касается надписей на буллах и монетах, то по особенностям начертаний они еще в поле были признаны согдийскими.

Для дальнейшего изучения надписей после сдачи коллекции в Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа были приглашены специалисты: иранист-нумизмат О.И. Смирнова и знаток древнетюркских письменностей А.М. Щербак. Общими усилиями удалось установить, что в период «не ранее начала VII в. и не позднее начала VIII в.» тюркские монеты отливались только с согдийскими надписями, но в тюркских государственных мастерских и от имени тюркешского кагана. Последующие находки подобных монет в самом Согде (Пенджикент) и некоторые письменные данные позволили О.И. Смирновой сформулировать окончательный вывод: «В конце VII—VIII вв. тюрки выпускали монеты с согдийскими надписями и, следовательно, прочно уже освоили согдийскую письменность»⁸.

⁷ См.: Кыласов Л.Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М., 1959. Т. II. С. 209—211; Литвинский Б.А. Еще о буддийских памятниках Семиречья (Киргизия) // Вестник древней истории (далее — ВДИ). 1996. № 2. С. 193. Спустя 40 лет был опубликован китайский текст с датами строительства раскопанного нами храма, совпавшими с археологическим заключением: Forte A. An Ancient Chinese Monastery excavated in Kirgiziya // Central Asiatic Journal (далее — CAJ). 1994. Vol. 38. N 1. P. 41—57 (Errata corrigé — CAJ. 1994. Vol. 38. N 2. P. 282).

⁸ Кыласов Л.Р., Смирнова О.И., Щербак А.М. Монеты из раскопок городища Ак-Бешим в 1953—1954 гг. // Учен. зап. Института востоковедения. М.; Л., 1959. Т. XVI. С. 514—561; Смирнова О.И. Очерки из истории Согда. М., 1970. С. 18; Она же. К вопросу о языке легенд на тюркешских монетах // Тюркологические исследования. М.; Л., 1963. С. 271; Она же. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М., 1981. С. 5, 9.

Так было впервые установлено официальное использование согдийской письменности и языка в Западнотюркском каганате и у его среднеазиатского политического преемника — в Тюркешском каганате.

Спустя годы в литературе появилось важное подтверждение тому, что еще правители Первого Тюркского каганата не только признали международный характер согдийской письменности, но и использовали ее в качестве государственной. В 1971 г. был опубликован опыт прочтения плохо сохранившегося согдийского текста, начертанного на каменной стеле из урочища Бугут не ранее последней четверти VI в.⁹ В свое время эта стела была установлена на землях, испокон веков принадлежавших древним тюркам в эпоху Первого и Второго Тюркских каганатов VI—VIII вв.

Согдийская колонизация центральноазиатских земель тем временем продолжалась. Под 630 г. в китайских летописях упоминаются, например, самаркандец Кан Су-ми и бухарец Ань Ту-хань, которые привели с собой в древний Тюркестан сразу пять тысяч соплеменников. К VII в. число согдийцев на тюркских землях оказалось настолько значительным, что китайский историограф того времени рассматривал ираноязычных переселенцев как одно из местных племен каганата. Наместник из Восточного Туркестана доносил императору Китая: «Тюрки простодушны и недалечно-видны, и можно внести между ними раздор. К сожалению, среди них живет много согдийцев, которые хитры и коварны; они наущают и направляют тюрков»¹⁰.

Находки в Китае большого количества религиозной литературы и документов, относящихся ко времени не ранее VII в. и написанных на согдийском наречии, привели исследователей к мнению, что согдийский язык сделался литературным языком для иранцев Китайского Туркестана и международным языком для центральноазиатских тюрков.

Согдийские по языку и письменности эпиграфические памятники остались в Центральной Азии и от сменившей Второй Восточнотюркский каганат Уйгурской державы (745—840). Судя по

⁹ См.: *Кляшторный С.Г., Лившиц В.А.* Согдийская надпись из Бугута // *Страны и народы Востока*. М., 1971. Вып. X. Ср.: *Кызласов Л.Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979. С. 143—145. Различные мнения о датировке и уточнения к содержанию и назначению Бугутской надписи см.: *Лившиц В.А., Хромов А.Л.* Согдийский язык // *Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки*. М., 1981. С. 363; *Takao Moriyasu*. A Report on the 1996—1997 Mongol-Japanese Expeditions in Mongolia // *Circle of Inner Asian Art. Newsletter*. L., 1998. Issue 7. P. 7, 8.

¹⁰ *Liu Mau-tsai*. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'ukü). Wiesbaden, 1958. I Buch. S. 87.

двум находкам, в этом государстве на протяжении всей его истории официальные надписи на стелах выполнялись одновременно и по-согдийски, и на руническом орхонском письме. Содержащие подобные тексты Сэврэйский камень и Карабалгасунская стела датируются соответственно 60-ми годами VIII в. и 821 годом. В эту эпоху носители согдийского письма оставили и десять вертикальных надписей тушью на скале Тайхир-чулун в Северо-Западной Монголии. Хотя тексты в должной мере еще не изучены, исследователи считают, что они оставлены гонцами и путешественниками. Отмеченные в надписях индийские лексические заимствования¹¹ в контексте местной культурной истории позволяют думать, что авторы в данном случае были манихеями.

Именно присутствием согдийцев-манихеев объясняется и бытование иранской, как и арабской, речи в сердце Южной Сибири в последующий, древнехакасский период истории Центральной Азии, наступивший после гибели Уйгурского каганата в 840 г. Начальник почтового ведомства арабского халифата Ибн Хордадбех (820—890), родом перс из Хорасана, привел в «Книге путей и стран» рассказ Саллама ат-Тарджумана (Саллама-переводчика), отправленного по заданию халифа ад-Васика (842—847) разыскивать Длинную стену, которой, согласно тексту Корана, Зу-л-Карнайн (Александр Македонский) оградил цивилизованный мир от северных полулюдей-получудовищ йаджудж и маджудж. Саллам ат-Тарджуман в 846 г., проделав долгий путь, писал: «...мы достигли крепостей [построенных] рядом с горой, по ущельям которой проходила стена. В этих крепостях живет народ, говорящий по-арабски и персидски»¹². В середине IX в. такую картину можно было увидеть только в Тувинской котловине и лишь в долине Енисея¹³.

В результате археологического обследования Тувы в 1956—1958 гг. в долинах рек Хемчика и Улуг-Хема нами была изучена стратегически продуманная оборонительная система, состоявшая из уникальной Долгой глинобитной стены (длиной 230 км), включавшей 17 квадратных и прямоугольных крепостей с глинобитными или сырцовокирпичными стенами, башнями и рвами, заполненными водой. Эти внушительные сооружения были вы-

¹¹ См.: *Лившиц В.А., Хромов А.Л.* Указ. соч. С. 364.

¹² *Ибн Хордадбех. Книга путей и стран* / Пер. с арабского, комментарии, исследование Наили Велихановой. Баку, 1986. С. 127—133.

¹³ См.: *Кыласов Л.Р.* Письменные известия о древних городах Сибири. М., 1993. С. 26—30; *Он же.* Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История.* 1998. № 3. С. 10—14.

строены по приказу Элетмиш Бильге-кагана в 750—751 гг. для защиты центральноазиатского Уйгурского каганата с севера от внешних прорывов древнехакасских войск¹⁴. Крепости строились по типу среднеазиатских торткулей согдийскими архитекторами и строителями. Очевидно, они жили в Туве до 846 г., когда все эти земли входили уже в Древнехакасский (Кыргызский) каганат, и объяснялись с Салламом на иранском и арабском языках. Саллам даже списал с «железных» ворот¹⁵, закрывавших ущелье, отлитую на чугунной плите надпись «железными буквами» «на древнем языке»: «А когда придет обещание Господа моего, он сделает это порошком; обещание Господа моего бывает истиной». Это, безусловно, манихейский текст¹⁶.

В персидском сочинении «Худуд ал-алам», написанном в 982—983 гг., в разделе «Об области Хырхыз» сообщено, что в ней «находится город, который называют Кемиджкет, там живет хырхыз-хакан»¹⁷. В годы составления этой «Книги о пределах мира от востока к западу» каган кыргызов, очевидно, жил еще на Верхнем Енисее, в Туве. Примечательно, что название города было составлено из двух разноязычных слов: «Кем» — местное тюркоязычное имя Енисея (тувинское Улуг-Хем; хакасское Ким, руническое Кем), а «кет» по-персидски и по-согдийски означает «город».

Возвращаясь к западным тюркам, следует сказать, что в Семиречье засвидетельствовано непрерывное применение согдийского письма и языка еще и в X и XI вв. Таковы вертикально нанесенные на скалы урочищ Терек-Сай и Кулан-Сай оставленные путниками надписи, три из которых имеют даты по эре Иезди-

¹⁴ См.: *Кызласов Л.Р.* Средневековые города Тувы // Советская археология. 1959. № 3. С. 66—75; *Он же.* История Тувы в средние века. М., 1969. С. 59—63; *Он же.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979. С. 149—158; *Он же.* Культура древних уйгур (VIII—IX вв.) // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 52—54.

¹⁵ Технику замковых соединений железных (чугунных) и бронзово-латунных облицовочных плит в средневековье применяли китайские архитекторы при строительстве железных пагод (см.: *Ащепков Е.А.* Архитектура Китая. М., 1959. С. 26, 61).

¹⁶ См.: *Видензген Г.* Мани и манихейство. СПб., 2001. С. 49, 71. Еще одну версию о «стене Зу-л-Карнайна» ал-Мукаддаси см.: «Лучшее разделение для познания климатов» // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. М., 1994. Вып. 2. Как видим, памятники, которые посетил и описал Саллам ат-Тарджуман, конечно, не имели прямого отношения к мифической стене, якобы построенной Александром Македонским. Однако благодаря такому отождествлению о существовании Долгой оборонительной стены, построенной уйгурами в середине VIII в., в странах Ближнего и Среднего Востока помнили долго (см., например: *Низами. Искандер-намэ.* М., 1953; *Кызласов Л.Р.* Низами о Древнехакасском государстве // Советская археология. 1968. № 4. С. 69—76).

¹⁷ Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1972. Вып. 1. С. 41, 44.

герда III, соответствующие нашим 906, 943 и 1025 гг. Ныне, насколько известно, это самые поздние точно датированные памятники согдийского письма¹⁸, но не самое позднее свидетельство использования его тюрками.

Особую ценность для нашей темы имеют сведения, приводимые персидским автором Мухаммадом ибн Мансуром Мерверруди в сочинении «Тарих-и Мубарак-шах», оконченном ученым в 1206 г. В этом подлинном панегирике тюркам и Туркестану говорится: «Тюркский язык является самым хорошим и влиятельным после языка арабского. Нынче стремление людей к овладению тюркским языком происходит по той причине, что в прежние времена большая часть эмиров и военачальников была из тюрков, власть находилась в их руках; всякие блага, золото и серебро также были в их руках... Люди благородного происхождения, вельможи и их сыновья находились в услужении у тюрков... И еще. У тюрков была письменность: они знали тайны волшебства и небесных светил; обучали детей грамоте (выделено мной. — Л.К.). У них было два вида письма: сугдское и тогузгузское. В сугдском письме было около двадцати пяти букв и отсутствовали три: “зад”, “за” и “гайн”; пишется справа налево, при этом буквы не соединяются друг с другом... Тогузгузское (уйгурское. — Л.К.) письмо... состоит из двадцати восьми букв; пишется справа налево: при этом буквы не соединяются... Тюрки также умели слагать стихи — касиды и руба‘и»¹⁹. В заключение автор привел 60 названий известных ему тюркских племен.

Текст Мухаммада Мерверруди приводит нас к заключению чрезвычайной важности: тюркоязычные народы Средней и Центральной Азии, а также Южной Сибири на протяжении свыше 600 лет (с конца VI до начала XIII в.) одновременно использовали как согдийскую, так и тюркскую письменность. Следовательно, в массе своей тюрки изучали наряду с родным языком еще и иранские языки, и не только согдийский, но затем и новоиранский (фарси). В разное время и в разных тюркских странах тому были различные причины. В VI—VIII вв. это обуславливалось, вероятно, нуждами государственного строительства и необходимостью торговли с югом и по Великому шелковому пути. Помимо этого важную роль, особенно со второй половины VIII в., несомненно, играл идеологический фактор. Очевидно, высокой

¹⁸ См.: Лившиц В.А., Хромов А.Л. Указ. соч. С. 367.

¹⁹ Мухаммад ибн Мансур Мерверруди. Тарих-и Мубарак-шах // Материалы по истории Средней и Центральной Азии X—XIX вв. / Пер. Б.А. Ахмедова. Ташкент, 1988. С. 90—93. Ср.: Умняков И.И. История Фахрэддина Мубаракшаха // ВДИ. 1938. № 1 (2). С. 108—115.

ираноязычной грамотности тюркоязычного населения способствовали манихейские священники, содержавшие школы при храмах и монастырях, в которых готовили и миссионеров.

Тюркско-согдийские связи и распространение манихейства

С переселенцами-согдийцами в VII в. среди тюрков Семиречья и Центральной Азии объявилось множество манихейских миссионеров, активно занимавшихся в это время пропагандой своей монотеистической религии. Их деятельность положила начало новому этапу в языковом взаимодействии тюркского и иранского мира. В.В. Бартольд отмечал, что «манихеи применили к транскрипции звуков иранского и тюркского языков свое письмо арамейского происхождения» и писали этим письмом «книги веры».

На севере Семиречья к X в. появились селения с названиями как на тюркском, так и на согдийском языках. За 400 лет тесного тюркско-иранского языкового взаимодействия тюркские народности, проживавшие севернее, восточнее и западнее границ Средней Азии, подверглись основательному воздействию высокой иранской культуры в самых разных областях. Особый интерес тюрков вызывали не только ювелирное и прикладное искусство, но и литература и особенно поэзия. В.В. Бартольд писал: «Тюркские князья в завоеванных ими областях подчинялись, конечно, влиянию местной культуры, не только имели при своем дворе персидских поэтов, но и сами писали персидские стихи»²⁰. Широкий отклик получило и знакомство обитателей степных раздолий и горно-таежных теснин с иранскими религиозными направлениями, такими, как зороастризм и манихейство.

Надо сказать, что в VI в. в Иране сурово преследовались все незороастрийские, «еретические» общины. Это привело к массовому бегству иранских манихеев на восток и северо-восток. С конца VI по VIII в. манихейская кафедра и ее епископат обосновались в Согде, имея свои отделения в Семиречье (город Тараз) и Восточном Туркестане (город Турфан). Что касается Средней Азии, то под давлением арабов в начале VIII в. манихейская кафедра перенесла свою резиденцию в Тохаристан, а с начала X в. переместилась в Самарканд²¹. В истории манихейства начался особый период — оно распространилось и создало самобытные

²⁰ Бартольд В.В. Указ. соч. С. 83; Он же. К вопросу о языках согдийском и тохарском // Иран. Л., 1927. Т. 1.

²¹ См.: Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. С. 12, 19, 20, 46. См.: Литвинский Б.А., Смагина Е.Б. Манихейство // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М., 1992. С. 271—369, 508—518, 522—532.

китае-тибетский, центральноазиатско-сибирский и кимакско-кипчакский центры. К VII в. официальным языком восточной манихейской церкви сделался согдийский, на который и был переведен весь манихейский канон.

При этом манихейские священные тексты были едва ли не единственными религиозными сочинениями, которые не только поощряли торговлю, но и разрешали взимать ростовщический процент. Торговой деятельностью и развитием ее с другими народами занимались даже высокие церковные иерархи, такие, например, как упоминавшийся выше Маниах. Манихейство было мировой наднациональной религией с идеей победы Добра, Света и Истины над силами Зла, Тьмы и Лжи.

В столицу Китая манихейские проповедники прибыли по Великому шелковому пути уже в 694 г.

Важно проследить, с какими тюркоязычными народностями и их государствами встречались упорно продвигавшиеся на север adeptы манихейской религии, считавшие, согласно учению Мани, что «Царство света ничем не ограничено с трех сторон»: с севера, востока и запада. «Напротив, на юге свет сталкивается с тьмой. Таким образом, область власти основного божества “Отца Величия” ограничивается властью тьмы»²². Крайнего восточного царства — Китая — пришедшие с запада манихеи уже достигли, а обитаемый север все еще манил миссионеров²³.

По Ибн Вадиху ал-Йакуби (IX в.), «Туркестан и тюрки делятся на несколько народностей... карлуки, тогуз-гузы, кимаки и гузы». Каждый из этих народов имеет отдельное государство, «и одни из них воюют с другими». Ибн ал-Факих (IX—X вв.) сообщает, что «огузы, наряду с кимаками и тогуз-гузами, являются “царями” и больше других почитаются у тюрков... наиболее “благородными” из всех считались карлуки»²⁴. Уйгурский Бёгю-каган (Эльтутмыш-каган, 759—779 гг.) принял манихейство в 762 г., находясь в Китае в городе Лояне. В следующем, 763 г. он объявил его государственной религией всего Уйгурского каганата.

Вторым тюркоязычным каганатом, правитель которого вслед за уйгурами около 765 г. объявил официальной религией уже давно проникшее на Енисей манихейство, явилось Древнехакасское

²² Виденгерен Г. Мани и манихейство. С. 77.

²³ О распространенной в то время в Азии геополитической концепции, сводившей мир к четырем царствам (Византии, Персии, Индии и Китаю), к которым присоединялись тюрки, см.: *Бартальд В.В. Сочинения*. М., 1966. Т. VI. С. 216; *Маршак Б.И. Согдийское серебро: Очерки по восточной торевтике*. М., 1971. С. 76—78.

²⁴ *Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв.* Ашхабад, 1969. С. 132.

государство, которым управлял царский род Хыргыс²⁵. Осведомленные ученые арабско-персидского мира хорошо знали благодаря путешественникам, купцам, строителям и манихейским миссионерам, что истинные кыргызы в VI—IX вв. обитали не в Туркестане, а в Саяно-Алтайском нагорье, расположенном в Южной Сибири²⁶. Следует отметить, что в енисейских рунических надписях манихейского содержания употреблялась ираноязычная религиозная лексика²⁷.

Третьим манихейским государством тюрков стало Кимакское. По данным ал-Идриси и Марвази, восходящим к IX—X вв., в верховьях Иртыша в государстве кимаков жили «зиндики»-еретики (т.е. манихеи), также имевшие храмы в столичном городе. Кимаки исповедовали сабейскую религию, поклонялись солнцу и ангелам, сжигали мертвых. Рядом с ними, в предгорьях Юго-Западного Алтая, другие нетюркоязычные народы поклонялись огню и воде, постились один день в году, сжигали своих покойников и не оплакивали их. Они говорили: «Воистину мы довольны решением Всевышнего бога!»²⁸ В сообщении о лесных людях, обитавших в Южных Саянах, по существу, описывается манихейский обряд похорон: «Когда кто-нибудь из них умирает, его тело обматывается веревками, вешается на деревьях и оставляется там гнить»²⁹. Прибавим, что еще в X в. о том же обряде избавления от трупов «у соседей киргизов» сообщал и другой раннесредневековый ученый Мутаххар ал-Макдиси³⁰.

Как выяснилось, вышеупомянутые авторы писали правду. В XIX—XX вв. этнографами было многократно засвидетельствовано, что часть горноалтайцев продолжали (в течение тысячи лет) подвешивать или укладывать трупы умерших на ветви деревьев,

²⁵ См.: Кызласов Л.Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии; *Он же*. Сибирское манихейство // Этнографическое обозрение. 2001. № 5. С. 83—90; *Он же*. Средневековый манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия) // Российская археология. 1999. № 2; Кызласов И.Л. Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье. Идеи единобожия в енисейских надписях // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М., 2001; *Он же*. Орфографические признаки манихейских рунических надписей // Вопросы тюркской филологии. Вып. IV. М., 1999.

²⁶ См.: Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984. С. 52—68.

²⁷ См.: Кызласов И.Л. Смена мировоззрения в Южной Сибири... С. 258.

²⁸ Храковский В. Шараф ал-Заман Тахир Марвази. Глава о тюрках // Труды сектора востоковедения АН Казахской ССР. Алма-Ата, 1959. Т. 1. С. 213.

²⁹ Minorsky V. Sharaf al-Zaman Tahir Mazvazi on China, the Turks and India. Arabic text (circa A.D. 1120). London, 1942 (Chapter IX, 3).

³⁰ См.: Бейлис В.М. Народы Восточной Европы в кратком изложении Мутаххара ал-Макдиси (X в.) // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1969. Т. II.

а для священнослужителей и шаманов — устраивать срубные гробницы на четырех столбах, соорудившихся на вершинах гор³¹. Ныне можно полагать, что распространение в Сибири обряда так называемого воздушного погребения в немалой степени связано с былым воздействием на таежников и степняков манихейского мировоззрения. У манихеев запрещалось осквернять священную землю захоронением греховной человеческой плоти.

Б.Е. Кумекон, обобщивший сведения ряда авторов о народе кимаков с сочинениями ал-Идриси, в своем переводе подтвердил данные о том, что в этой тюркской стране маги-огнепоклонники сжигают умерших, а манихеи относятся к сабейской ветви этой религии, поклоняются солнцу и ангелам, почитают звезды, занимаются астрологией, имеют храмы в кимакском столичном городе³². В заключение Б.Е. Кумекон высказал мнение, что «манихейство перешло к кимакам от кыргызов», являющихся северными соседями кимаков. О влиянии кыргызов Енисея на кимаков сообщается и в таком источнике X в., как аноним «Худуд ал-алам» («...жители напоминают по обычаям хырхызов»).

Свидетельства письменных источников могут быть дополнены и некоторыми археологическими данными. Прямое проникновение древних хакасов и включение Алтая вплоть до Иртыша в возглавлявшееся кыргызами манихейское южносибирское государство подтверждается раскопанными там могильниками³³. В области прикладного искусства отмечается сильное влияние древнехакаской тюхтятской культуры на прииртышско-кимацкую и сросскинскую культуры IX—X вв., более всего проявляющееся в оформлении бронзовых частей конской сбруи и мужского снаряжения. Не случайно орнамента этих изделий щедро наполнена манихейской изобразительной символикой³⁴. Принятие манихейства (а не воздействие среднеазиатского ислама, как полагали раскопщики) привело к появлению сырцовых кирпичных мавзолеев в Барабинской и Кулундинской степях. Несмотря на изменение надмогильных сооружений, прочие особенности погребальной

³¹ См.: *Шатинова Н.И.* Семья у алтайцев. Горно-Алтайск, 1981. С. 94, 95.

³² См.: *Кумекон Б.Е.* Страна кимаков по карте Ал-Идриси (1100—1164 гг.) // Страны и народы Востока. М., 1971. Вып. X; *Он же.* Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. С. 109—112; *Он же.* Сообщения Ал-Идриси (XII в.) о странах кимаков и карлуков // Казахстан в эпоху феодализма: (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981.

³³ См.: *Кыласов Л.Р.* Тюхтятская культура древних хакасов (IX—X вв.) // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 57, 58. Рис. 32 (карта); *Могильников В.А.* Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX—XI вв. М., 2002.

³⁴ См.: *Кыласов Л.Р., Король Г.Г.* Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М., 1990. С. 171, 172.

обрядности позволили исследователям отнести эти захоронения к кимакам³⁵.

Следует добавить, что эпиграфические материалы свидетельствуют о распространении в это же время на Горном Алтае и в кимакских землях енисейской рунической письменности³⁶, ставшей священным письмом сибирских манихеев. Активную проповедническую деятельность развернули здесь тюркоязычные миссионеры³⁷. Именно с их подвижничеством можно связать некоторые новые находки енисейских наскальных надписей, сделанные в Семиречье и у западной оконечности Иссык-Куля³⁸.

Один из ранних исследователей манихейства величайший ученый-энциклопедист средневекового Востока, уроженец Хорезма, Абу-р-Райхан ал-Бируни (973—1048) установил, что в XI в. «веру Мани и его учение» исповедовали «большинство восточных тюрков, обитатели Китая, Тибета и части Индии»³⁹. Приведенные данные позволяют нам считать IX—X вв. началом новой эпохи в истории манихейства на Востоке. С этого времени при официальной поддержке Древнехакасского государства началось обратное движение манихейской идеологии и общин на запад от Саяно-Алтайского нагорья и Центральной Азии — в Прииртышье и Джунгарию, Семиречье и Притяньшанье: в земли кимаков и карлуков. Учение Света на этот раз распространяли тюркоязычные его адепты, владевшие енисейским руническим письмом. Именно эту форму мировой религии, отличную от западной и восточной ее разновидностей, мы и нарекли северным манихейством.

В Восточном Туркестане и, как увидим, в Северной Монголии манихейство сохраняли остатки развеянного войнами IX в. уйгур-

³⁵ См.: *Могильников В.А.* Курганы с сырцовыми выкладками на юге Западной Сибири // *Вестник археологии, антропологии и этнографии.* Тюмень, 1999. Вып. 3.

³⁶ См.: *Арсланова Ф.Х., Кляшторный С.Г.* Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья // *Тюркологический сборник.* М., 1973; *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. М., 1994. С. 83—89; *Он же.* «Добро сотворив, посеять человечность». Манихейские миссионеры у вершин Алтая // *Средневековые древности евразийских степей.* Воронеж, 2001.

³⁷ См.: *Кызласов И.Л.* «Добро сотворив, посеять человечность». Манихейские миссионеры у вершин Алтая; *Он же.* Новости тюркской рунологии. Вып. 1. Енисейские надписи на горе Ялбак-Таш (Горный Алтай). М., 2003.

³⁸ См.: *Рогожинский А.Е., Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая надпись из урочища Тамгалы (Семиречье) // *Краткие сообщения Института археологии (в печати); Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А.* Рунические надписи Кочкорской долины // *Известия НАН Кыргызской Республики.* 2001. № 1—2. Рис. 10. Палеографическое определение надписи из урочища Калмак-Таш произведено И.Л. Кызласовым.

³⁹ *Бируни А.* Избранные произведения. Ташкент, 1957. С. 213.

ского народа, да и другие центральноазиатские тюрки, расселившиеся вплоть до излучины Хуанхэ.

В рассматриваемую эпоху манихейство, как и созданная про-роком Мани особая письменность, продвинулись в тюркоязыч-ной среде вплоть до Восточной Европы. Это было известно араб-ской науке. Еще в 987 г. Мухаммад ан-Надим в труде «Китаб ал-Фихрист» так и указал: на западе — на (волжских) болгар, а на востоке — на туббат (тибетцев), которые, зная восточные письме-на, «употребляют письма Мани»⁴⁰.

Манихейство у тюрков в эпоху монгольских государств

В 1128—1130 гг. мусульманский Кашгар и Семиречье пережи-ли нашествие киданей. Арабский историк Ибн ал-Асир (умер в 1233 г.) писал о возглавлявшем киданьское войско Гурхане: «Он был манихеем»⁴¹. Следовательно, кидани, подданные империи Ляо, которая в 924 г. распространила свою власть на запад, к тому времени и сами восприняли манихейскую веру. Источник новой для них идеологии может быть установлен.

С приходом с востока нового войска во главе с Елюем Даши на Орхоне на короткое время создалось государство, которое мо-жет быть названо Бэй Ляо (Северное Ляо, 1124—1130 гг.). Его опорной крепостью стал Хэдун, построенный на месте бывшего городка уйгурской ханьши, называвшегося по-тюркски Хатун-ба-лык. За годы совместного проживания кара-китаев, как их назы-вали тюрки, с уйгурами-манихеями и с завоевавшими Уйгурский каганат в 840 г. древними хакасами (кыргызами), также испове-довавшими манихейство, кидани восприняли многие достижения культуры центральноазиатских тюрков, а посещение храмов, праздничных и иных молений приводило их к исполнению ма-нихейских обрядов. Многообразное воздействие древнехакасской культуры X—XII вв. на материальную культуру киданей отражают и многочисленные археологические материалы⁴².

⁴⁰ Китаб ал-Фихрист. Талиф-и Мухаммад б. Исхак ан-Надим. Тарджама-йи М. Риза Талжадлуд. Чап-и дувум. Тихран, 1967 (перевод на персидский язык). Мани — это имя пророка, а не «сокращенная арабская форма манихейства» — ср.: Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984. С. 83, 84. Ибн ан-Надим по-арабски называл «манихейство» верно: «al-malā'iyā»!

⁴¹ Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973. Вып. 1. С. 65.

⁴² См.: Длужневская Г.В. Памятники енисейских кыргызов в Туве (IX—XII вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. См. также: Грач А.Д., Савинов. Д.Г., Длужневская Г.В. Енисейские кыргызы в центре Тувы. М., 1998. С. 80. К сожа-лению, Г.В. Длужневская, не учитывая основы истории Центральной Азии того времени, ошибочно придает этим связям обратную направленность.

Как видим, торжество манихейской религии на землях современной Монголии фактически продолжалось с 763 по 1130 г., когда гурхан-манихей Елюй Даши увел кара-китаев с Орхона в завоевательный поход на Восточный Туркестан и Семиречье. Там на юге возникло новое кара-китайское государство Си Ляо (Западное Ляо, 1130—1213 гг.)⁴³. Удачливый основатель царства умер в 1143 г., а последний гурхан кара-китаев — в 1213 г.

После того как на реке Онон, в северо-восточной части Монголии, на всеобщем курултае в 1206 г. Тэмучин был провозглашен Чингисханом, возникло Монгольское государство. Монголы, наследуя у исторических предшественников власть над обширными пространствами, столкнулись с более чем четырехсотлетней манихейской идеологией населения Центральной Азии.

Недаром Чингисхан сразу оценил обнаруженных им еще в 1204 г. уйгурских грамотеев и писцов, выполнявших канцелярские и учительские обязанности у кераитов и найманов, которых ему пришлось завоевать. Как известно, одному из них, Тутатунгу, хранителю золотой печати, Чингис поручил заведовать государственной канцелярией, а также сделал его учителем четырех своих сыновей. Тюркско-уйгурский язык стал использоваться для составления всех официальных актов, а уйгурская письменность с течением времени была приспособлена и к монгольскому языку.

Сами монголы и сообщавшие о них послы — свидетели из числа европейцев, побывавших в Монголии, — постоянно употребляли выражения: «Всевышний Господь», «Древний Бог» (см., например «Великую Книгу Ясы») или утверждали: «Они веруют в единого Бога, которого признают творцом всего видимого и невидимого...» (Плано Карпини). Не случайно и то, что Бога монголы по-тюркски именовали «Тенгри»⁴⁴. Учитывая уже известные нам факты, нельзя сомневаться в сильнейшем воздействии местного тюркоязычного и другого населения, исповедовавшего манихейство с его единобожием, на монголов эпохи Чингисхана⁴⁵.

По мнению специалистов, изучающих обрывки старинных рукописей, чудом сохранившиеся в занесенных песками руинах средневековых храмовых зданий и обителей Восточного Туркестана, «манихейская письменность была в ходу вплоть до угаса-

⁴³ См.: Бартольд В.В. Сочинения. М., 1963. Т. II. Ч. 1. С. 48—56.

⁴⁴ См.: Грусс Р. Чингисхан. Покоритель Вселенной. М., 2002. С. 161—164, 251, 252, 257, 258, 262. Ср.: Кызласов Л.Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии. С. 9, 33.

⁴⁵ Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск, 1992. С. 127—162.

ния манихейства в Центральной Азии, т.е. примерно до XIII в.»⁴⁶. Имеются веские основания утверждать, что енисейское руническое письмо в Туве и Хакасии продолжало свое существование в Южной Сибири и в XIII—XIV вв., и, весьма возможно, позднее⁴⁷.

Примечательна характеристика точных границ собственно Монголии, очерченных пером перса Джувеини, который в 1249—1253 гг. совершил две поездки в Монголию: «На востоке [она граничит] со страной Китай, на западе — со страной уйгур, на севере [со страной] киргиз и [рекой] Селенгой, с южной стороны [находятся] Тангут и Тибет»⁴⁸. Как видим, по данным Джувеини, тюркоязычные уйгуры и киргизы (древние хакасы Южной Сибири) наряду с Китаем, Тангутом и Тибетом в середине XIII в. не были включены в монгольское подчинение и управлялись собственными властными правителями.

Не учитывая показанного выше продвижения манихейства на запад еще в IX—X вв. и оставляя без внимания ордынское наследие в культуре тюркских народов, нельзя, пожалуй, понять главный результат нашей работы со словарями. Как оказалось, иранское наименование верховного божества «Худай» или «Кудай» (в фонетической форме предшествующей новоперсидскому «Худо») употреблялось и в большинстве своем употребляется до современности почти всеми тюркоязычными народами Евразии. На востоке ареал расселения этих народов простирается до излучины реки Хуанхэ (салары) в Китае. На западе он достигает берегов Волги и границ Северного Кавказа (поволжские татары, кряшены, ногайцы и др.). Ранний иранизм «Худай (Кудай)» к эпохе своего распространения принадлежал уже к лексике тюркского манихейства.

Поволжские татары (в том числе кряшены) еще до официальной мусульманизации и после нее являлись в основе своей манихеями. После распада в XV в. Золотой Орды на ее месте возникло несколько самостоятельных образований тюркских народов: Ногайская орда, государство «кочевых узбеков», из которого в начале XVI в. выделилось Казахское ханство, а за ним Сибирское.

⁴⁶ Хромов А.Л. Памятники парфянской письменности // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М., 1992. С. 303 (ссылка на: *Sundermann W. Schriftsysteme und Alphabete im alten Iran // Altorientalische Forschungen*. Berlin, 1985. S. 111).

⁴⁷ См.: Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Новый этап развития енисейской письменности (конец XIII — начало XV в.) // Российская археология. 1994. № 1. С. 33—50.

⁴⁸ Ala-ad-Din' Ata Malik Juvaini. The History of World-conqueror / Translated by John A. Boyle. Manchester University Press, 1958.

И вот оказалось, что все они, как и их современные потомки, называли и называют своего верховного бога Кудаем, а небо над своей головой по-древнетюркски именуют Тенгри. К этим народам примыкают томские и чулымские тюрки, хакасы, якуты, тувинцы, алтайцы и многие другие разноразличные народы Северной, Центральной Азии и Восточного Туркестана.

Следовательно, задолго до объявления в 1320 г. ханом Узбеком ислама государственной религией в истории населения Золотой Орды (и других вышеназванных тюркских и иранских народов) существовала целая эпоха исповедания объединяющей их и широко распространенной манихейской религии. И до сих пор среди нас живут люди с именами Худайдад (Богоданный), Худайкул (Раб Божий), Худайит (Собачка Божия) и с фамилиями Худайбердиевы (Богом Дарованные), Худайназаровы (Божьей Милостью), Худайшукуровы (Богу Благодарные)⁴⁹.

Итак, манихейство явилось единственной мировой религией, которая в эпоху средневековья на несколько веков (IX—XIV вв.) объединила почти все тюркоязычные народы Евразии от верховьев Амура на востоке до устья Дуная на западе. Именно это вероучение более прочих приобщило тюрков к передовым достижениям общественной мысли и духовной культуры Западной и Средней Азии.

Историческое значение тюрко-иранского культурного и языкового взаимодействия трудно переоценить. Оно не закончилось в средние века, но продолжалось и все Новое время⁵⁰. Будучи освященным веками, не закончится и впредь. Иран для истории тюрков имеет такое же значение, как Византия для истории славян.

Поступила в редакцию
30.10.03

⁴⁹ Ср.: именной указатель в кн. «Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков» (Алма-Ата, 1969. С. 610 и др.).

⁵⁰ Литвинский Б.А. Этногенез и этническая история народов Средней Азии и Казахстана в древности и средневековье // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана М., 1990. Вып. 1.